

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Султан-Салэ (г. Джанкой)

И много лет назад развалины Султан Салэ стояли такими же как теперь. Бури и грозы не разрушали их. Видно хорошие мастера строили мечеть. Султан-Салэ и зоркий глаз наблюдал за ними. А был Салэ раньше простым пастухом и хата его была последней в Джанкое. Какой почет бедняку! И не смел он переступить богатого порога. Но раз выгоняя коров на пастьбу Салэ зашел на ханский двор и увидел дочь бека. Есть цветы красота которых удивляет иные плоды заставляют забыть всякую горечь Но у цветов и плодов нет черных глаз которые загораются любя нет улыбки что гонит горе и в движении нет ласки отражающей рай пророка.

Салэ понял это когда поднималась по лестнице Ресамхан. С тех пор перестал есть и пить бедный пастух а старуха мать потеряла покой. — Что случилось? — спрашивала она сына и молчал Салэ. Но внезапно умерла Ресамхан от рыбьей кости и когда узнал об этом Салэ не стало в лице его кровинки. Тогда открылось все матери и поняла она отчего обезумел сын ее бедный Салэ, который ночью принес тело девушки вырытое из могилы. Жемчуг бывает разный. Жемчуг слез, которые родились в любви самый чистый из всех.

Плакал Салэ обнимая тело и от дыхания ли любви от горячих слез его — стало теплым тело. Бросился Салэ к матери. И в простоте сердца сказала мать, что не умирала Ресамхан и устранив кость оживила девушку. Но как только Ресамхан открыла глаза поспешил Салэ укрыться от ее взора ибо самый малый камешек может смутить чистоту вод хрустального ручья. Тронула сердце девушки такая любовь, а великий Аллах дал ей не одну красоту. Долго помнил потом народ в Джанкое мудрость Ресамхан. И поняла она, что есть и чего нет в пастухе. — Пусть пойдешь, — сказала она старухе, — в Кефе на пристань; там сидит Ахмет-ахай; он даст Салэ на копейку мудрости, на копейку другой.

Проник в душу пастуха Ахмет-ахай своим взором, когда пришел Салэ к нему на пристань и дал совет. Один: — Помни, не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило. И другой: — Цени время, не спрашивай того, что тебя не касается. Улыбнулась Ресамхан, когда мать пастуха рассказала о совете Ахмет-ахая. — Пусть так и делает. И я скажу. В Кефе стоят корабли. Хорошо будет, если возьмут Салэ на большой корабль. В чужих краях он узнает больше, чем знают наши, и тогда первый бек не постесняется принять его в дом.

Вздыхнул Салэ, просил мать укрыть Ресамхан, пока не вернется, и, нанявшись на корабль, отправился в дальние страны, и не вернулся назад, пока не узнал моря, как знал раньше степь. В степи — ширь и в море — ширь, но не знает степь бурной волны, и тишь степная не страшит странника. Когда корабль Салэ был у трапезундских берегов, повисли на нем паруса, и много дней оставался он на месте. Тогда послали Салэ и других на берег найти воду. У черной скалы был колодезь, и корабельные поспешили спустить в него свои ведра, но не вынули их, потому что кто-то отрезал веревку. — Нужно посмотреть, кто, — сказал Салэ. Однако, из страха никто не полез. — Не полозу — все равно пропаду, — подумал Салэ и спустился к воде.

У воды, в пещере, сидел старик, втрое меньше своей бороды; перед ним красавица арабка кормила собаку, а вокруг стояло тридцать три кола, и на всех, кроме одного, торчали человеческие головы. — Сабаныз-хайыр-олсун, — приветствовал Салэ старика. И на вопрос — как сюда попал, присев на корточки, рассказал, как случилось.

Усмехнулся старик:

— Если у тебя есть глаза, ты должен видеть, куда попал. Как же ты не удивился и не спросил, Что все это значит?

— Есть мудрый совет, — отвечал Салэ, — не расспрашивай того, что тебя не касается.

Шесть раз икнул старик, и встала торчком его борода.

— Вижу, ты большой мудрец. Скажи тогда — что красивее: арабка или собака?

Не задумался Салэ:

— Не то красиво, что красиво, а то красиво, что сердцу мило.

Плюнул в ладонь старик и, замахнувшись ятаганом, снес головы арабке и собаке.

— Когда раз ночью пришел к жене, я нашел чужого, и, по моему слову, женщина стала собакой, а мужчина женщиной. Ты видел их. Потом приходили люди, не ответили как ты. Зато бараньи головы их на колу, а твоя остается на плечах.

И старик наградил Салэ. Кроме воды, вынес Салэ из-под земли ведро разных камней. Не бросил их назад в колодец, как советовали корабельные, а послал с первым случаем к матери в Джанкой. Пожалела мать, что камни, а не деньги, подумала — потерял Салэ разум, но Ресамхан сказала старухе, чтобы позвала богатого караима, и караим отдал за камни много золота, столько золота, сколько не думала старуха, чтобы было на свете.

А через год возвращался Салэ домой и на пути в Джанкой встретил табуны лошадей, и отары овец, и стада скота, и когда спрашивал — чьи они, ему отвечали:

— Аги Салэ.

— Верно новый богач в Джанкое, — думал Салэ и не думал о себе.

Много лет не был Салэ в Джанкое и не узнал деревни; и упало у него сердце, когда не увидел своей хаты, а неподалеку от места, где она была, стоял на пригорке большой дом, должно быть, тоже Аги-Салэ. Когда петух пьет воду, он за каждый глоток благодарит Аллаха. Таким был Салэ с тех пор, как ожила Ресамхан. Теперь поник он головою и в печали сел у ограды нового дома. Но когда ждешь кого — зорко видит глаз, и увидела Ресамхан Салэ у ограды и послала старуху мать позвать Салэ в его новый дом.

Если падаешь духом, вспомни о Салэ и улыбнись его счастью. Может быть, и к тебе придет оно. Первым богачом стал Салэ на деревне, первым щеголем ходил по улице, а когда садился на серого коня, выходили люди из домов посмотреть на красавца-джигита. Увидел его старый бек из башни ханского дворца, послал звать к себе, три раза звал, пре-жде чем пришел к нему Салэ, а когда пришел, позвал бека к себе в гости.

Угощал Салэ старика и не знал старик, что подумать. Никто, кроме Ресамхан, не умел так приготовить камбалу, поджарить каурму. — Если бы Ресамхан была жива, отдал бы ее за тебя. И тогда открыл Салэ беку свою тайну, и сорок дней и ночей пировал народ на свадьбе Аги Салэ. Через год родился у бека внук и стали называть его Султаном-Салэ. А когда Султан-Салэ стал старым и не было уже в живых его отца, построил он в его память, на том месте, где стояла прежде хата, такую мечеть, какой в окрестности никогда не было.

Много воды утекло с тех пор; не только люди — переменялись камни; в Джанкое не стало татар и давно уже живут греки, а стены мечети Султан-Салэ стоят, как стояли, гордые своими арками и поясами. Видно хорошо мастера строили их и зоркий глаз наблюдал за ними.